

Самовар — «Генерал стола и душа семьи»

Я — самовар. В витрине нашего музея я стою начищенный до блеска: пузатый медный бок, изогнутый носик-краник, витые ручки по бокам и корона-конфорка на макушке, куда ставили заварочный чайник. Когда-то я был не просто кухонной утварью, а настоящим «генералом стола» — главным лицом любого застолья, символом достатка, уюта и хлебосольства. Меня уважительно величали «самовар-батюшка» и «друг семьи», и без меня не обходился ни один дом — ни купеческий особняк, ни крестьянская изба.

Моё происхождение: от «чайной машины» до тульского чуда

Мои далёкие предки появились задолго до того, как я стал русским символом. Подобные мне сосуды знали ещё в Древнем Риме — они назывались аутепсами и представляли собой кувшин с внутренней жаровней. В Китае для приготовления чая использовали «Хо-Го» — чашу со встроенной трубой и поддувалом. В Россию первая «чайная машина» попала при Петре I из Голландии. Но настоящая моя родина — Тула, где в 1778 году братья Лисицины открыли первую самоварную фабрику. С тех пор тульские мастера прославились на весь мир: каких только форм не выдумывали — «банка», «рюмка», «шар», «яйцо», «ваза», «репка». В разных губерниях меня и называли по-своему: в Ярославле — «самогар», в Курске — «самокипец», на Вятке — «самогрей».

Как я устроен и почему мой чай был самым вкусным

С виду я затейлив, но устройство моё гениально просто. Внутри моего тулова снизу вверх проходит сквозная труба-жаровня, куда закладывали угли, дрова или сосновые шишки. Снизу, под подставкой-донцем, располагалось поддувало для притока воздуха. Огонь в трубе нагревал воду в резервуаре, и она закипала, но не выплёскивалась — мой носик-кран находится выше уровня тяжёлой накипи, поэтому весь осадок остаётся на дне. Истинные ценители говорили: чай из самовара получается мягче и вкуснее, вода быстрее закипает и медленнее остывает. А конфорка наверху не давала пропасть жару — на неё ставили заварной чайничек, чтобы чай оставался горячим.

Моя роль в судьбе дома и семьи

Я был не просто сосудом — я был душой дома. Меня берегли как зеницу ока, передавали по наследству, начищали до солнечного блеска. Вокруг меня собиралась вся семья, за мной вершились судьбы и заключались миллионные сделки. Для донских казаков чаепитие было важной частью жизни: если гость появлялся на пороге, хозяйка обязательно приглашала его к столу, где уже пыхтел я — «генерал». Меня ставили на самое почётное место, в зале или кухне, где я красовался на полке-поставце вместе с праздничной посудой. Без меня девушка не могла выйти замуж — отсутствие самовара в приданом считалось позором, такую невесту называли «негодящей». А ещё меня почитали как оберег: говорили, что если меня продать или вынести из дома — случится несчастье. Даже в ссылку, в далёкую Сибирь, люди везли меня с собой, потому что знали: пока я рядом — жива душа дома.

Сегодня я нахожусь в музее школы № 16 города Новошахтинска, и это не случайно. Наш край — донская земля, а в казачьих куренях я был в каждом доме, занимая самое видное место. За моим горячим боком собирались шахтёрские и казачьи семьи, велись долгие разговоры, звучали песни и передавались из уст в уста семейные предания. Я помню тепло рук, что начищали меня, и детский смех, и тихие вечерние беседы. Сегодня я уже не бурлю углями и не пускаю пар из-под крышки, но по-прежнему служу — теперь как хранитель памяти. Глядя на меня, вспомните своих прабабушек и прадедушек, которые пили чай «вприкуску» с сахаром, собираясь за одним столом. Пока я здесь, в стенах нашей школы, не гаснет огонь домашнего очага и жива традиция донского гостеприимства.